

УДК 94(575.2):342.56

**ВЛИЯНИЕ ТРАДИЦИОННОГО ПРАВА НА ФОРМИРОВАНИЕ
СОВЕТСКОЙ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ В КЫРГЫЗСТАНЕ В 20-е ГОДЫ XX в.**

С.М. Слесарев

Рассматриваются некоторые аспекты строительства советской судебной системы в Кыргызстане в 20-е годы XX в., связанные с влиянием норм традиционного права.

Ключевые слова: родовые пережитки; традиционное судопроизводство; адат; советский народный суд.

**INFLUENCE OF TRADITIONAL LAW ON THE FORMATION
OF THE SOVIET JUDICIAL SYSTEM IN KYRGYZSTAN IN 20s OF THE XX CENTURY**

S.M. Slesarev

This article discusses some aspects of the construction of the Soviet judicial system in Kyrgyzstan in 20s of the XX century related to the influence of norms of customary law.

Key words: tribal remnants; traditional justice; adat; the Soviet People's Court.

После определенной либерализации в 1922–23 гг. наступление на традиционное судопроизводство продолжилось. Однако стремление большевиков решить все проблемы быстро, не взирая на инерцию мышления тех же советских работников из среды кыргызов, приводило к совершенно иным результатам.

С января 1925 г. открылся Кыргызский областной суд. Его председатель Авербург в своем отчете за 4-й квартал 1925 г. отмечал следующее: “Из-за предпочтения роду сняты народные судьи Ш. Токтогулов, Кадырбаев, Султанов и др. Обычно были случаи, когда судебный работник бросал камеру на один месяц, иногда совсем (Д. Кабаев, 5-й участок Пишпекского округа) и уезжал “домой”, не сдав ничего и никому <...> Киргизские работники ведут свою своеобразную “общественную” работу, но общественность их не советская. Заметное усиление активности относится к перевыборам народных заседателей. Очень часто секретари работают за судью. Это исключительно на киргизских участках. Особенно проявил лодырничество – судья Умурзаков в Караколе, убран с поста. Безобразное освобождение всех желающих от судебных пошлин и других расходов, связанных с судопроизводством. Обычно судья вполне удовлетворяется справкой “ячейки Кошчи” или другой общественной организации. Этот недостаток еще долго при-

дется искоренять в разумных пределах. Мало выезжают в сессии по территории участка <...> Квалификация судработников – после их испытания – результаты очень печальные... многие судьи не владеют русским языком <...> Советский суд господствует среди русских, городов со смешанным населением, по смешанным гражданским делам между киргизами и узбеками, в общем уголовном законодательстве” [1, л. 18, 22, 36, 37, 39]. Отмечая некоторые положительные моменты, Авербург указывал, что “большое значение приобретает фигура судьи. В 3-м участке суда в Ошском округе до нарсудьи Курпибаева судья выполнял только функции реестранта при тамошнем всеисильном манале и число дел на его рассмотрении исчислялось единицами в месяц. После назначения Курпибаева число сразу увеличилось до 15, 20, 30” [1, л. 20]. Для того чтобы “победил” советский суд, Авербург предлагал: коренизацию судебного аппарата, ускорение прохождения дел, независимость суда от влияния родовых группировок, а также уволить 50 % работников в низовых органах советского суда [1, л. 22, 24].

Представляет интерес также и отчет о деятельности Прокуратуры КАО за 2-е полугодие 1925 г., в котором говорилось следующее: “Даже в областном центре во главе милиции сидят безголовые, которые ничего не понимают. В частных беседах уже

приходилось говорить о необходимости разогнать милицию совершенно, чтобы зря не ели государственные деньги, ибо ни одного хорошего момента, хотя бы случайного в работе милиции Прокуратура не видит, а преступных моментов, иной раз и смешных – масса. В следственном аппарате почти то же самое – за полугодие на 14 участках было 11 случаев замены. Буквальная безграмотность, родовые связи – делают следственный аппарат совершенно не пригодным: частые случаи, когда следователь получил материал – дело не заводит, а ждет примирения по обычаям. Был случай, когда два нарследователя в Каракольском округе сами по родовым признакам разделили территорию своих участков. Почти во всех участках, где работают туземные следователи, дела ведут на 100 % секретари. Надзор затрудняется еще тем, что в Ошском и Джалалабадском округах дела ведутся на киргизском, узбекском и древне-узбекском языках, почему большой процент дел нами пропущался совершенно без проверки, ибо переводчиков у нас нет, кроме того древне-узбекский язык никто не знает. Общее положение органов дознания и следствия пока безнадежны. Надежда на милицейские курсы и на переподготовку судебно-следственных работников <...> В Прокуратуре в настоящее время имеется колоссальное количество сведений о безобразиях, преступлениях и цифровых данных о работе низовых органов” [2, л. 86, 87, 90].

Как видно из приведенных отчетов, положение дел в советской судебной системе в Киргизской Автономной области в 1925 г. было ужасающим.

Любопытно сравнить результаты деятельности Облсуда КАО за следующий 1926 г. с предыдущим. Так, в новом отчете утверждалось, что по сравнению с 1925 г. в 1926 г. количество поступивших дел было 152 %, т. е. больше в 1,5 раза. Кроме того, коренное население во многих случаях начинает обращаться в суд (открыт с середины 1925 г.), чего не было раньше. Например, по делам с бытовыми преступлениями, которые раньше большей частью решались аксакалами <...> Аксакальский суд рассматривает дела с мелко-базарными сделками и обстоятельствами, взыскивающими из договора личного найма и пр., то же самое и суды казиев. Обе формы судов существуют в Южной Киргизии, особенно в Ошском округе. Обе формы бытовых судов отживаются <...> Сейчас идет удаленная борьба (конкуренция) между народом и бытовыми судами. Наши преимущества будут сильней и ясней тогда, когда мы коренизируем суд и ускорим прохождение дел до окончательного разрешения и сделав его (т. е. суд) независимым от местного влияния. Часть наших работников силь-

но увязли в родовых и иных группировках, и поэтому в нашу задачу входит не перевоспитание, а их полное изъятие из судебного аппарата. Совершенно несомненно, что попытки местных низовых организаций выдвигать “изъятых” работников будут продолжаться. Кандидатов Окрисполком выдвигает без анкеты и характеристики. Или вместо отстраненного одного выдвигает другого, не входя в обсуждение вопроса о законности отстранения. Бывают случаи, что окружком на одной неделе выдвигает на одно место двух кандидатов, оба раза одинаково горячо ратую за назначение. Сейчас этого немного, случаи единичны и не более как остатки прежней за 1925 г. практики. В этом плане отстает Джалал-Абадский округ. До 1925 г. такие “выдвижения” были исключительно практикуемыми (т. е. везде – С.С.). Мы вполне сознательно допускаем “поблажки” нашим коренным работникам. Такая линия поведения естественна при пониженных требованиях к сотрудникам коренизируемого аппарата при необходимости беречь единицы, тем более что смены еще нет...

Низовые органы – 40 % работников надо заменить. Прибыли курсанты, окончившие Среднеазиатские юридические курсы, – 11 человек, но пока результаты незавидны. Чистка аппарата дала следующие результаты – уволить и предать суду за разного рода преступления – 6 чел. (2 нарсудьи и 4 нарследователя); уволить немедленно в административном порядке – 5 нарсудей, 1 нарследователя и 1 секретаря; заменить – 3 нарсудьи <...> В настоящее время мы имеем 50 % судследственных работников с средней подготовкой. В июле 1926 г. из Ташкента прибыли 11 курсантов-киргиз (5 во Фрунзенский округ, 4 в Ошский, 1 в Джалал-Абадский, 1 в Каракольский). Двое отправлены на переподготовку в Саратов, остальные очень слабы, не могут справляться с работой секретарей <...> Из всех судей – 48 % хороших, которые действительно могут вести работу” [3, л. 234–238, 240, 241, 252, 253, 255, 258].

Не оставляли без внимания проблемы судебной организации на региональном и центральном уровнях. Так, в августе 1926 г. был заслушан доклад Бермана “О состоянии судебного аппарата в Средней Азии” и результаты обследования, проведенного уполномоченным ЦКК ВКП(б) на заседании Исполкомиссии Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б), выводы из которых были сделаны следующие: “чрезвычайная засоренность республиканского и областного судебного аппарата, его неспособность, чрезвычайно медленное рассмотрение дел и отсутствие должного руководства со стороны партийных комитетов” [4, л. 64].

По данным 1926 г., в КАО было 23 народных суда и 16 следственных участков, что в среднем составило на камеру суда от 15 до 30 тыс. жителей, а на следственный участок – 40–60 тыс. жителей, при этом отмечалось, что значительно выросло количество дел по уголовным преступлениям, но основная часть дел – 50–60 % приходилась на должностные преступления [5, с. 306].

В сентябре 1927 г. поступило циркулярное письмо из НКЮ и Главсуда Кирг. АССР всем прокурорам кантонов и уполномоченным Главсуда, в котором для укрепления революционной законности и продвижения ее в аулы, кишлаки и деревни предлагалось: “1) для поднятия низкой квалификации органов милиции, суда и следствия организовать совещания и систематические беседы с ними; 2) организовать кантонные бюро по пропаганде советского права <...>; 5) для борьбы с бытовыми поборами, в частности с тоями и ашами, необходимо популяризовать эту борьбу среди низовых советских работников, разъясняя последним, что с тоями и ашами, не ставящих цель поборов с населения, – советская власть не борется <...>; 7) ускорить движение дел по растратам и безхозяйственности, так как в большинстве обвиняемые остаются безнаказанными <...>; 15) углубить в дальнейшем работу по борьбе с незаконными бытовыми обложениями и самообложениями населения на уплату дополнительного жалования лицам низового соваппарата и принять репрессивные меры для прекращения безкредитных выдач как в центре, так и на местах” [6, л. 47–49].

В ноябре 1927 г. прошла 2-я сессия ЦИК Кирг. АССР в г. Джалал-Абаде, где обсуждались вопросы юстиции. Так, Цимдин указывал, что “народные суды не имеют основных пособий, кодексов для правильного решения дела. Сплошь и рядом бывают случаи, когда при разборе дел применяются такие законы, которые здесь, у нас, не применимы. Необходимо приблизить рассмотрение дел к моменту совершения преступления, чтобы населению не приходилось обращаться к местному бытовому аксакальскому суду. Для того чтобы население шло с охотой к советскому суду, который является единственно правильным” [7, л. 19]. Таш-Худайбергенов отметил, что до 1926 г. “все байские элементы пользовались авторитетом. Все дела в нарсудах и следственных органах они решали исключительно в свою пользу. С конца 1926 г. это стали изживать” [7, л. 24–25].

Исходя из специфики кочевого хозяйства, “в 1927 г. киргизское правительство совместно с Казахстаном организовало передвижной совет специально для летнего обслуживания на Суса-

мырском джайляу. Опыт оказался неудовлетворительным. Так, работа по регулированию использованием пастбищами, благодаря взяточничеству, свелась на нет. Судебная работа и вообще работа по внедрению революционной законности – также и по тем же причинам; к концу работы часть работников Совета и даже один из членов его президиума были арестованы и против них было возбуждено судебное преследование. Совет поддерживал группу манапов бывшей сыдыковской ориентации. Совет дискредитировал себя, опираясь на манапов, баев и шилунов” [8, с. 209].

Положение дел в отдаленных районах Кыргызстана можно оценить на примере доклада сусамырского прокурора. Так, он утверждал, что штат милиции при Джайловском совете состоит из 11 человек. Кроме начальника милиции, остальные сотрудники не соответствуют своему назначению. Большинство из них неграмотные, а имеющиеся грамотные сотрудники не могут вести дознание, так как незнакомы с элементарной частью УПК. В производстве милиции всего имеется 19 дел. В производстве народного судьи Джайловского совета находится 8 уголовных дел, из них окончено – 5, осталось на июль – 3. Гражданских дел – 18, из них окончено – 10 дел, остается на июль – 8. За отчетный период как государственные, так и общественные обвинители не выступили из-за отсутствия члена коллегии защитника и невозможности применения требования ст. 53 УПК” [9, л. 3–4].

Проблемы судебной работы на Сусамыре и других высокогорных районах были освещены в отчетном докладе о работе НКЮ, прокуратуры и Главсуда Кирг. АССР за 1928 г., в котором говорилось, что за два года работы Джайляуского Совета органов следствия, суда и прокуратуры – слабо проводится работа по борьбе с бытовыми преступлениями, например, не раскрыто ни одно дело по бытовухе. Кроме того, низовые соворганы проводят незаконные самообложения – на жалование милиционеру, раскладка лошадей на зажиточных элементов для членов Комиссии по учету объектов обложения сельхозналога” [10, л. 21]. В резолюции по докладу Наркомюста Кирг. АССР были подведены итоги: “двухлетнее обслуживание кочевков показало, что продолжают существовать родовые пережитки и авторитет байства и манапов. Надо продолжить работу по разъяснению советского законодательства и по непосредственному вмешательству в дело защиты интересов бедноты и батрачества. Произошло изменение ст. 26 УПК с передачей основной массы дел в народные суды. Треть (1/3) приговоров нарсудов отменяется, тем

и затягивается удовлетворение нужд, обращающихся в суд на длительные сроки, что в местных условиях при сохранившихся еще аксакальских судах всегда создает условия, влекущие за собой обращение к ним. Вопрос о применении законодательства по преступлениям, составляющим пережитки родового быта, затрудняются отсутствием в X главе УК комментария. Надо выработать положение о примирении, предусмотренное ст. 195 УК. Кроме того, надо отметить, что в сентябре 1928 г. началась решительная чистка судебных органов” [11, л. 152–154].

В 1929 г. была проведена всеобъемлющая проверка состояния судебно-следственного аппарата Кирг. АССР ревизионной группой из НКЮ РСФСР, в результате которой были выявлены следующие недостатки: “систематический некомплект аппарата (на 1.01.1929 – 52,7 %, на 1.07.1929 – 31 %), его слабая квалификация и текучесть (55 %), незначительность пролетарской прослойки из киргизов, их культура – политическая отсталость. В результате чистки аппарата – 32 % “изъято” <...> Недостаточно высокий уровень юридической и политической квалификации многих работников, не исключая и европейцев (слабое знание с юридической и партийной литературой, не все партийцы читают даже “Правду”), отсутствие кодексов и популярной правовой литературы на киргизском языке. Судоговорение, судопроизводство и сношения следственно-прокурорских органов с трудящимися не повсеместно производится на языке, понятным им. Слабо поставлена массовая пропаганда права среди трудящихся, особенно в отдаленных от кантонных центрах, пунктах <...> Очень слабая квалификация нарзаседателей. Общественных обвинителей фактически не существует” [12, л. 77–79].

Таким образом, можно сделать следующие выводы: во-первых, подход к строительству новой судебной системы с классовых позиций привел к тому, что практически полностью нарушилась преемственность, и в качестве судей и следователей зачастую выступали лица абсолютно непригодные к этой деятельности, в первую очередь, по недостатку образования и низкому культурному уровню; во-вторых, судоследственные работники

из киргизов очень слабо понимали основы нового судопроизводства, поэтому на практике применяли те законы, которые они с детства хорошо знали, т. е. нормы адата; в-третьих, несмотря на огромные усилия, предпринятые партийным руководством по искоренению этих недостатков, полностью они так и не были преодолены до конца советской власти.

Литература

1. Отчет по работе Облсуда КАО председателя Авербурга за 4-й квартал 1925 г. // ЦГА ПД КР. Ф. 10. Оп. 2. Д. 53.
2. Отчетный доклад о деятельности Прокуратуры КАО за 2-е полугодие 1925 г. // ЦГА ПД КР. Ф. 10. Оп. 2. Д. 25.
3. Доклад о деятельности Областного суда КАО за время с 1 января по 20 декабря 1926 г. // ЦГА ПД КР. Ф. 10. Оп. 1. Д. 56.
4. Выписка из протокола № 70 заседания Исполкомиссии Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б) от 19 августа 1926 г. // ЦГА ПД КР. Ф. 10. Оп. 1. Д. 52.
5. Рыскулов Т.Р. Полн. собр. соч.: в 5 т. Т. 3 / Т.Р. Рыскулов. Алматы, 2007.
6. Циркулярное письмо из Наркомюста и Главсуда Кирг. АССР всем прокурорам кантонов и уполномоченным Главсуда (сентябрь 1927 г.) // ЦГА КР. Ф. 254. Оп. 1. Ед. хр. 271.
7. Стенографический отчет 2-й сессии ЦИК Кирг. АССР, г. Джалал-Абад, 10–12 ноября 1927 г. // ЦГА КР. Ф. 21. Оп. 2. Д. 130.
8. *Погорельский П.* Экономика кочевого аула Киргизстана / П. Погорельский, В. Батраков. М., 1930.
9. Доклад прокурора Джайловского совета Сусамыра // ЦГА КР. Ф. 254. Оп. 1. Ед. хр. 27.
10. Из отчетного доклада о работе Наркомюста, прокуратуры, Главсуда Кирг. АССР за 1 января по 1 октября 1928 г. // ЦГА КР. Ф. 145. Оп. 1. Ед. хр. 118.
11. Резолюция по докладу Наркомюста Кирг. ССР // ЦГА КР. Ф. 145. Оп. 1. Ед. хр. 97.
12. Постановление Исполбюро Киробкома по докладу ревизионной группы НКЮ РСФСР о состоянии судебно-следственного аппарата в Кирг. АССР (конец 1929) // ЦГА ПД КР. Ф. 10. Оп. 1. Д. 202.